

Н.С. ЛЕСКОВ

Николай Семёнович Лесков

Томленье духа
(Рассказы)

**Томление духа
(Из отроческих
воспоминаний)**

«Все это томление духа».
Екклезиаст

В числе людей, которые принимали участие в моем воспитании, был длинный и тощий немец Иван Яковлевич, по прозванию Коза. Настоящей его фамилии я не знаю, – он своею наружностью напоминал козу, и все мы звали его заочно Кизою.

Это было в деревне, в Орловской губернии, у моих богатых родственников. Я у них рос и воспитывался, пока меня отдали в школу, в город. Для нас в деревне было несколько учителей: русский – Иван Степанович Птицын с женою, жил во флигеле, и француз, мосье Люи, тоже с женою и сыном Альвином, который учился вместе с нами. Эти тоже жили в особом флигеле, и еще был немец Кольберг, одинокий, часто пьяный и драчливый. Он так часто ссорился с прислугою, что надоел дяде и был внезапно рассчитан: тогда на его место был взят Коза, который ранее этого жил уже в нескольких помещичьих домах в околотке, но нигде долго не уживался. Говорили, что он человек очень смирный и хороший, но «с

фантазиями». Его к нам и приняли с таким уговором, чтобы жил с нами и учил нас по-немецки, но никаких своих фантазий не смел бы показывать.

Он взялся это исполнять, и месяца три исполнял очень хорошо, но потом вдруг не выдержал и показал такую фантазию, как будто и не давал никакого зарока.

Летом раз заехала к дяде, по дороге в свое имение, губернаторша с сыном, мальчиком лет одиннадцати, очень избалованным и непослушным. Мы пошли в фруктовый сад, и там этот гость оборвал какую-то редкостную сливу, плоды которой были у дяди на счету. Мы испугались его поступка и дали себе клятву во всем заператься и ничего не сказывать. Дядя вечером пошел в сад и увидел, что слива оборвана. Он рассердился, позвал садовникова сына, мальчика Костю, и стал его спрашивать: кто оборвал сливу? Костя не знал, и на него упало подозрение, что эту сливу оборвал он и теперь запирается. Его за это велели высечь крыжовником, а он испугался и сказал, что будто в самом деле он съел сливы. Тогда его все-таки высекли. А мы знали, кто обо-

рвал, но ничего не говорили, чтобы не нарушать клятву и не пристыдить своего гостя, но к вечеру некоторых из нас это стало невыносимо мучить, и когда мы начали укладываться спать, то я не стерпел и сказал Ивану Яковлевичу, что Костю наказали напрасно, – что он не вор, а вор вот кто, а мы все дали клятву его скрыть.

Иван Яковлевич вдруг побледнел и вскрикнул:

– Как клятву! Как вы смели клясться? Разве вы не христиане! Кто вам позволил чем-нибудь клясться? Видите, сколько от этого зла вышло, и теперь я уйду от вас.

Мы еще больше встревожились и стали его упрашивать, но он твердил:

– Нет, я уйду, я непременно уйду, и не сам уйду, а меня выгонят, и это будет хорошо... Это будет к лучшему.

Так все говорил, а сам плакал и потом вдруг приложил лоб к оконному стеклу, вздохнул и побежал из комнаты.

Куда и зачем побежал – мы не могли догадаться и долго ждали его возвращения, но потом так и уснули, не дождавшись, чтоб он на-

зад пришел; а утром, когда старая девушка Василиса Матвеевна принесла нам свежее белье, мы узнали, что Иван Яковлевич к нам и совсем не воротится, потому что он сошел с ума.

– Боже мой!.. – Мы так и обомлели... – Бедный, добрый Иван Яковлевич сошел с ума!.. Это все мы виноваты. Но что же он такое сделал?

– А он явился в бесчеловечном виде к господам и сделал фантазию, и ему за это отказано.

Фантазия состояла в том, что, взволнованный нашим двойным злочинством, Коза сошел вниз, в гостиную, и, «имея в лице вид бесчеловечный», подошел к губернаторше и сказал ей совершенно спокойным «бесчеловечным голосом»:

– У вашего сына дурное сердце: он сделал поступок, за который бедного мальчика высекли и заставили налгать на себя... Ваш несчастный сын имел силу это стерпеть, да еще научил других клясться, чего Иисус Христос никому не позволил и просил никогда не делать. Мне жаль вашего темного, непросве-

ценного сына. Помогите ему открыть глаза, увидеть свет и исправиться, а то из него выйдет дурной человек, который умертвит свой дух и может много других испортить.

С губернаторшею сделалось дурно, и она зашла в истерику.

Страшно рассерженный происшедшею сценою, дядя вытолкнул Козу за двери и сейчас же велел запереть его в конторе, а сегодня его велено уже отправить на мужицкой подводе в Орел.

Мы за него обиделись и сказали:

– Для чего же это «на мужичьей подводе»?

– А то на чем же? – отвечала Василиса.

– Можно было в тележке, в которой на почту ездят.

– Ну, как же! еще ему чего? В этой тележке попа святую воду петь возят... Для чего же его, глупого немца, держать в одной чести с батюшкой. Батюшка за наши грехи в алтаре молится, а его довольно бы еще и не на подводе, а на навознице вывезти.

– И за что ны его так не любите?

– За то, что он дурак и вральмен.

– Он никогда не врет, а всегда правду гово-

рит.

– А вот это-то совсем и не нужно! Что такое его правда? Правда тоже хорошо, да не по всякую минуту и не ко всякому с нею лезть. Он сам для себя свою правду и твори, а другим свой закон на чужой кадык не накидывай. У нас свой-то закон еще гораздо много пополней ихнего: мы если и солжем, так у нас сколько угодно и отмолиться можно: у нас и угодники есть, и страсотерпцы, и мученики, и Прасковей. Ему до нас встреть нечего. Зато ему и показали, где бог и где порог.

– Как же это показывают?

– Где бог-то?

– Да.

– А поставят человека к двери лицом да сзади дадут хорошенько по затылку шлык, а он тогда должен в подворотню шмыг.

– И это по-вашему значит показать человеку «где бог»?

– Да. Вон пошел, вот и все!

– Так, значит, и ему показали «где бог»?

– Ну, уж как-никак, а показали «где бог» и все тут.

– Что же: он его увидит, и...пожалуй, будет

рад, что его прогнали.

– Ну, уж это пусть его радуется как ему нравится: нам его жалеть нечего.

Мне было очень жалко Ивана Яковлевича, а сын француза Люи, маленький Альвин, еще более о нем разжалобился. Он пришел к нам в комнату весь в слезах и стал звать меня, чтобы вместе убежать через крестьянские конопляники за околицу и там спрятаться в коноплях, пока повезут Ивана Яковлевича на подводе, и мы подводу остановим и с ним простимся. Мы так и сделали, – побежали и спрятались, но подвода очень долго не ехала. Оказалось, что Иван Яковлевич пожалел мужика, который был наряжен его везти, и уволил его от этой повинности, а сам пошел пешком. На нем был его зеленый фрак и серая мантилия из казинета, а в руках у него мотался очень маленький сверток с бельем и синий тиковый зонтик. Коза шел не только спокойно, но как бы торжественно, а лицо его было даже весело и выражало удовольствие. Увидав нас, он остановился и воскликнул:

– Прекрасно, дети! Прекрасно! О, сколько для меня есть радости в одну эту минуту! – и

он раскрыл для объятий руки, а на глазах его заблестали слезы.

Мы бросились к нему и тоже заплакали, повторяя: «Простите нас, простите!» А в чем мы просили прощения – мы и сами того не могли определить, но он помог нам понять и сказал:

– Вы дурно сделали, что не берегли свою свободу и позволили себе клясться: поклявшись, вы уже перестали быть свободны, вы стали невольниками вашей клятвы... Да; вы уже не имели свободы говорить правду и вот через это бедного мальчика сочли вором и высекли. Могло быть, что его на всю жизнь могли считать вором и... может быть, он тогда бы и сделался вором. Надо было это разорвать... И я разорил... Надо было бунтовать, и я бунтовал... (Иван Яковлевич стал горячиться.) Я иначе не мог... во мне дух взбунтовался... проснулся к жизни дух... свободный дух от всякой клятвы... и я пошел... я говорил... я стер... я опроверг клятву... не должно клясться... Без клятвы будь правдив... Вот что нужно... нигде и ни перед кем не лги... не лги ни словом, ни лицом... Не бойся никого!.. Что пи-

сано в прописи, чтобы кого-то бояться, – это все вздор есть! Иисус Христос больше значит, чем пропись... О, я думаю, что он больше значит! Как вы думаете, кто больше?

– Христос больше.

– Ну, конечно, Христос больше, а он сказал: «никого не бойтесь». Он победил страх... Страх пустяки... Нет страха!.. Даже я!.. я победил страх! Я его прогнал вон... И вы гоните его вон!.. И он уйдет... Где он здесь? Его здесь нет. Здесь трое нас и кто между нас?.. А!.. Кто? Страх? Нет, не страх, а наш Христос! Он с нами. Что?.. Вы это видите ли?.. вы это чувствуете ли?.. вы это понимаете ли?

Мы не знали, что ему отвечать, но мы «понимали», что мы «чувствуем» что-то самое прекрасное, и так и сказали. Коза возрадовался и заговорил:

– Вот это и есть то, что надо, и дай бог, чтобы вы никогда об этом не позабыли. Для этого одного стоит всегда быть правдивым во всех случаях жизни. Чистая совесть где хотите покажет бога, а ложь где хотите удалит от бога. Никого не бойтесь и ни для чего не лгите.

– О, да, да! – отвечали мы, – Мы вперед не

будем ни лгать, ни клясться, но как нам загладить то зло, которое мы сделали?

– Загладить... загладить может только один бог. Заглаждать – это не наше дело. Любите Костю и напоминайте другим, что он не виноват, – что он оклеветал себя от страха.

– Мы все так сделаем, но вы, Иван Яковлевич, куда вы идете? У вас есть где-нибудь свой дом?

Он покачал отрицательно головой и сказал:

– Зачем мне свой дом?

– Ну, у вас есть... семейные... кто вас любит?

– Семейные?.. Нет... И зачем мне семейные?

– Кто же у вас свои?

– Ну, кто свои... кто свои!.. Ну, вот вы мне теперь свои... «свои» – это те, с кем одно и то же любишь...

– А особенно близких разве нет?

– Для чего же особенные? Что это вам такое!.. Надо делать все вместе, а совсем не особенное.

– Но куда же вы теперь отправляетесь?.. Он

повел плечами и весело ответил:

– Куда я?.. К блаженной вечности; а по какому тракту, – это совсем все равно – только надо везде делать божие дело.

Мы не поняли, что такое значит «делать божие дело», и плачевно приставали к Козе.

– Нам жаль, что вам отказали совершенно напрасно.

Он тихо покачал головою и отвечал:

– Нет, мне отказали совсем не напрасно.

– Как не напрасно: ведь вы поступили всех нас честнее и ничего дурного не сделали.

– Ну вот! Для чего же делать дурное! Это не надо... но я сделал беспокойство: я сделал бунт против тьмы века сего... и меня нужно гнать... Это уж так... и это очень хорошо!

– Вы это так говорите, как будто вы сами этому даже рады.

– Даже рад! Да, я рад! Я очень рад! Ведь у нас «борьба наша не с плотию и кровию, а с тьмою века, – с духами злобы, живущими на земле». Мы ведем войну против тьмы веков и против духов злобы, а они гонят нас и убивают, как ранее гнали и убивали тех, которые были во всем нас лучше.

– Но за что? За что это гонят тех, кто не сделал никому зла? Это ужасно!

– Ничего, – отвечал, еще больше сияя. Коза, – напротив, это хорошо... это-то и хорошо, что их гонят напрасно: это их воспитывает; это их укрепляет... И неужто вы хотели бы, чтобы меня не так выгнали, как теперь выгоняют за бунт против тьмы века и духов злобы, а чтобы я сам сделал кому-нибудь зло!

– О, нет!

– Ну так что же!.. Значит, все как следует быть... все прекрасно... Со временем... если вам откроется, в чем состоит жизнь, и вы захотите жить самым лучшим образом, то есть жить так, чтобы духи злобы вас гнали, – то вы тогда будете это понимать... Когда они гонят – это прекрасно, это радость... это счастье! Но...

Он взял нас за плечи и продолжал пониженным голосом:

– Но когда они вас ласкают и хвалят... Вот тогда...

– Вы говорите что-то страшно...

– Да, это страшно. Тогда бойтесь, тогда осматривайтесь, тогда... ищите, чтобы спас вас отец ваш небесный.

– Отец небесный! Но мы ведь не знаем... как это искать, что надо сделать...

– Что сделать?

– Чтобы он нас спас.

– Ага! И я это тоже не знаю... и я это... даже не стою, а он...

У Ивана Яковлевича в груди закипели слезы, и он стал говорить точно в экстазе:

– Я бедный грешник, который вышел из ничтожества: я червяк, который выполз из грязи, а отец держит меня на своих коленях; он носит меня в своих объятиях, как сына, который не умеет ходить, а не бросает меня, не сердится, что я такой неумеха, и хотя я глуп, но он мне внушает все, что человеку нужно, а я верю, что я у него могу понять как раз столько, сколько мне нужно, и... вы тоже поймете... вам дух скажет... Тогда придет спасение и вы не будете спрашивать: как оно пришло?.. И это все надо... тихо... Тсс! бог идет в тишине... Still!

Коза вдруг поник головою, сжал на груди руки и стал читать по-немецки «Отче наш». Мы без его приглашения схватили с голов свои шапочки и с ним вместе молились. Он

кончил молитву, положил нам на головы свои руки и с полными слез глазами закончил свою молитву по-русски.

– Наш отец! – сказал он, – благодарю тебя, что ты вновь дал мне радость быть изгнанным за исполнение святой воли твоей. Укрепи сердца терпящих за послушание твоей воле и просвети разумом и милосердием очил людей, нас гонящих. Не оставь также этих детей твоих надолго в пустыне: дай им войти в разумение и вкусить то блаженство, какое я теперь по твоей благодати ощущаю в моем духе. Дай им понять, в чем есть твоя воля! – И он еще раз обнял нас, поцеловал и пошел в город совершенно бесприютный и совершенно счастливый, а мы, у которых все было изобильно и готово, стояли на коленях, на пыльной дорожке, и, глядя вслед Козе, плакали.

Он будто метнул в нас что-то острое и вместе с тем радостное до восторга. Коза на нас что-то призвал, нас что-то обвеяло, мы хотели что-то понять, чтобы кончить мольбой о смягченьи сердец, и вдруг оба вскочили, погнались за ним и закричали:

– Иван Яковлич!..

Он остановился и обернулся, и показалось нам, будто он вдруг сделался какой-то другой: вырос как-то и рассветился. Вероятно, это происходило оттого, что он теперь стоял на холме и его освещало солнце. Но однако и голос у него тоже изменился. Он как-то будто лил слова по воздуху:

– Что вам еще? Что вам?

А мы не знали, что именно хотели ему сказать, и спросили:

– Увидим ли мы вас когда-нибудь?

Он ясно отвечал:

– Увидите.

– Когда же это будет?

Он глуше проговорил:

– Это случится... может быть... совсем неожиданно, а потом это опять не случится, и потом это опять иногда случится...

Мы, казалось, бежали за ним, а между тем он один шел впереди, а мы все отставали и кричали:

– Где мы увидимся?

Но он отвечал уже издалека:

– Вес равно, – и начал разводить руками во

все стороны, точно хотел пояснить, что для свидания с ним «иногда» все стороны равны. Пространство для него не существует. «Все равно... иногда увидимся... и опять... не увидимся... иногда», и еще что-то такое, а сам все дальше и дальше от глаз, и вдруг как-то будто даже смешно затрепетал ручками и побежал-побежал, и скрылся, и с тех пор ушло очень много лет, и Козы долго, очень долго не было передо мною, но потом вдруг он совершенно неожиданно явился раз, и два, и еще втретье, и стал так близко, как будто он и не отходил, а между тем... все бежит и бежит вперед... И в эти минуты мне показалось, будто и я не совсем все стоял... И я будто иногда плелся и тоже помаленечку подвигался, но зато я чувствовал и то, как я слаб, как я устал и дальше плестись не в силах... Кончено! я отстану и его опять уже никогда более не увижу!.. Но тут всегда приходит нежданная помощь: откуда-то кто-то возьмется и покажет «где бог»... и тогда сейчас же опять обозришься, всех своих тогда чувствуешь в собственном сердце, и ни с одним из них уже не боишься расстаться, потому что «у всех напоен-

НЫХ ОДНИМ ДУХОМ ДОЛЖНО БЫТЬ ОДНО РАЗУМЕ-
НИЕ ЖИЗНИ».